

Влад Озер

*ВДВ. Врач
полка*

*Армейская сага
военного медика*

Влад Озер

**ВДВ. Врач полка. Армейская
сага военного медика**

«Издательские решения»

Озер В.

ВДВ. Врач полка. Армейская сага военного медика / В. Озер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936496-8

О первых шагах молодого выпускника ВМедА в воинской части. О проблемах и трудностях, с которыми приходится сталкиваться практически всем начинающим врачам в армейской среде. Книга будет полезна и интересна выпускникам всех военных учебных заведений.

ISBN 978-5-44-936496-8

© Озер В.
© Издательские решения

Содержание

ШТАБ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ВДВ. Врач полка Армейская сага военного медика

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4493-6496-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одесса. По дороге на службу

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1. Памятник основателю города Дюку Ришелье, в профиль.2. Тот же памятник в анфас.3. ЖД вокзал. 4.Одесский национальный академический театр оперы и балета.

Последние каникулы, как и все предыдущие, испарились как утренний туман под лучами солнца. Оставили ребенка у родителей. И направляемся вдвоем с женой в неизвестную еще

мне Одессу. В купе, досталась газета от предыдущих пассажиров, «правда», она называлась. И там на последней странице мне на глаза попалась довольно просторная статейка про город, в который теперь лежал мой путь.

А писалось в сем центральном органе печати о том, что отцы легендарного приморского града, совсем руки опустили. Довели южную пальмиру до полного запустения и разрухи. Особо уделялось внимание центральному городскому парку имени Тараса Шевченко. Который превратился в пристанище для бомжей и в мусорную свалку.

Так состоялось мое заочно-предварительное знакомство с хваленой Одессой.

Прибыли мы на вокзал в шесть утра. На календаре было двадцать девятое августа. Поезд причалил к вокзальному тупику под мелодию Утесова « у Черного моря...», которая раздавалась из динамиков на всю округу. Несмотря на то что солнце уже заливало своим светом все вокруг, чувствовалась еще утренняя прохлада которая тянулась видимо от недалеко расположенного моря. Я же еще понятия не имел, что оно совсем рядом.

Прошли внутрь вокзала. Я навел справки в бюро, насчет чем добраться до города Болграда. В справочном, как положено в Одессе, «добросовестно» заверили что поезд по маршруту «Одесса —Рени», транзитом через благословенный Болград, отправляется в двадцать два, ноль-ноль. Даже и не намекнув нам то что есть еще автовокзал, а от него туда ходят автобусы. Мы почему то об этом тоже не подумали. Торопиться вообще то было некуда.

Решили весь день посвятить знакомству с городом-героем. В первую очередь позавтракали в первой-попавшей привокзальной забегаловке. А после приема пищи меня тогда всегда тянуло перекурить. Но оказалось что ни зажигалки и ни спичек в моих карманах почему то нет. Оставив жену возле вещей в зале ожидания, сам отправился на поиски огня. Но как оказалось, на исходе второго года перестройки, прикурить на Одесском ЖД вокзале было не так то просто. Ни спичек ни кресал в ближайших торговых точках не оказалось. Выхожу на площадь перед вокзалом. Она в то утреннее время была почти пустынной. Редкие прохожие неторопливо пересекали ее по прямым и диагоналям.

С левой стороны, на всю торцевую стену какого то пятиэтажного здания, висел огромный, цветной портрет Леонида Брежнева. За все годы своего висения, он был уже достаточно поблекшим. Но тем не менее на нем четко просматривались все дорисованные звезды. После каждого очередного награждения. А вместе с очередной звездой, художник приколист, дорисовывал генсеку и плечо. Звезд было четыре, а значит и плечо удлинляли три раза. Картина была резко ассиметричная, и каждая дорисовка была в своей стадии выцветания. Все это видели, всем было понятно что это наглядная карикатура, но никто даже и не думал ее снять. Не смотря на то что Леонид Ильич на то время уже четыре года как был покойником. По моему картину сняли только после полного развала СССР.

Кто то мне подсказал что спички могут быть в гастрономе за трамвайными путями. Перпендикулярно моему движению, площадь пересекает одессит, лет под шестьдесят, около двух метров ростом. Под мышками у него по арбузу. А живот размером примерно как пять крупных арбузов. При этом сорочка прикрывает его социальный запас только до пупка.

– Скажите пожалуйста, как пройти до гастронома, который за трамвайными путями? Громила притормаживает, медленно поворачивает маленькую головку в мою сторону, и видимо чисто по одесски, «дружелюбно» отвечает:

– А оно тебе надо? После чего спокойно продолжает свой путь. Я стою оторопевший. Но потом вспоминаю что я в Одессе, а здесь видимо так принято общаться с приезжими лохами. Самостоятельно продолжаю свой путь. По дороге действительно пересекаю несколько веток трамвайных путей, и упираюсь в «гастроном».

Захожу, прямо напротив входа отдел- «табак». За столиком сидит одесситка лет шестидесяти, весом минимум полтора центнера. На совершенно пустых полках у нее за спиной, лежит две пачки сигарет «памир». Ну наконец то, здесь то спички должны быть.

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- У вас спички имеются?
- Нет.
- Как это у вас и нет спичек?
- Вот так вот.

Пожимаю плечами и продолжаю путешествие дальше по магазину. Но так как там взгляду задержаться не на чем, то через минуту следую обратно. И тут замечаю что от прилавка, табачного отдела отходит двое парней, а у одного из них в правой руке между пальцами зажаты два коробка спичек.

- Ребята, погодите! Они, уже в дверях, притормозили.
- Извините пожалуйста, скажите а вы где спички купили?
- Да вот здесь. Показывают руками и кивают головами в сторону старой жидовской торгашки, с одинокими прилипшими к лысине жирными волосиками.

– Так я же только что у нее спрашивал, и она ответила что у нее спичек нет!?! Парни заулыбались в ответ.

– Так это потому что вы в форме, а она продает коробок по пятнадцать копеек. Вот и решила что лучше отказать, чем продавать за одну копейку. Ну, тут уж я даже не представляю какое у меня было выражение лица, потому что когда я повернул свою витрину в сторону прохиндейки, она тут же уныло просычала:

- Вам сколько коробков?
- Один! И кинул ей десять копеек на прилавок. Она молча, медленно отсчитала девять копеек, достала с под прилавка коробок и с тяжелым сопением положила его на столик. Благодарить я ее не стал почему то.

Наконец то я смог выйти и закурить. Мдаа, интересное начало знакомства с Одессой-мамой. Дальше принимаем с женой решение посетить знаменитый рынок, «привоз». Потому как он рядом, впритык к вокзальной площади. Сдаем свои скудные пожитки в камеру хранения, и на легке, куда глаза глядят. Базар как базар. После питерских базаров, этот производил впечатление более колоритного. Длинные фруктово овощные ряды. Пирамидки лимонов, мандаринов, апельсинов. Минимум в три-пять раз цены были выше, чем в Ленинграде. За прилавками исключительно длинные носы и кепки-аэродромы. Зато арбузы и яблоки с грушами стоили копейки. И продавали их в основном продавцы -аборигены, с пригородных сел.

В промтоварных линиях все было привычно серо и скучно. Глазом не за что зацепиться. Галдежь, горы мусора и экскрементов, бродячие собаки и смрад, дополняли картину «знаменитого» базара.

– Пошли отсюда. Говорю жене. Пошли куда ни будь, где хоть воздух может будет почище. Уточнили у прохожих в какую сторону море, и где есть парк, сквер. Нам показали как пройти к парку Шевченко. По разбитой брусчатке, и расплавленному асфальту тротуаров, под уже

начинающим нещадно припекать солнцем, побрели в указанном направлении. Удивили тогда юные одесситки. Они шныряли по улицам в каких то разноцветных, прозрачных, марлевых мини юбках. Под которыми по моему ничего больше не было. О стрингах тогда еще никто понятия не имел.

Так и добрались до зеленой зоны. На входе был план-схема парка. Я обратил внимание на то что на набережной есть памятник «неизвестному матросу». Купили два букетика гвоздик.

Вошли в парк. Хотели где ни будь присесть, передохнуть. Но не тут то было. По всем аллеям и дорожкам носились армады дворников. Вперемежку с самосвалами и уборочно-поливочными машинами. Пыль стояла столбом. Шум и гам были такие, как будто здесь творилось какое то столпотворение.

Присесть в буквальном смысле слова было негде. На вопрос к ближайшей тете уборщице, что у вас здесь происходит, она кинула, – генеральная уборка, мать ее ити! И тут я вспомнил статью в «правде», прочитанную утром в поезде. Так вот такая она, руководящая и направляющая роль партии, подумал я. Оказывается еще не все потеряно. Есть еще влияние столичной прессы, на периферию. Или это только оказамыливание?

Стараясь дышать через раз и не на полную мощь легких, вышли на центральную аллею. В конце которой стоял высокий, пирамидальный обелиск. Возле него как раз происходила смена почетного караула. Пионеры в матросской форме, четко выполняли воинский ритуал, заступления на почетную вахту. Здесь дышать было легко, сюда еще не добрались уборщики. Море, вот оно, блестит, до самого горизонта. Мы аккуратно возложили свои букеты гвоздик к подножию памятника. Выдержали минуту молчания, и затем тихонько побрели к берегу.

Здесь кипела своя, пляжная жизнь. Нашли свободную скамеечку в тени раскидистых лип и акаций. Передохнули, насмотрелись на впервые виденное Черное море. Повспоминали книги Валентина Катаева и других писателей и поэтов которые живописали об этих местах. Также я сравнил живой прибой с виденными в питерских музеях картинами Айвазовского. Разницы не было. Мастер творил на полотне реальное море.

Вдоволь насытившись первой встречей с северным берегом южного моря, отправились дальше бродить, без путеводителя. Меня интересовал оперный театр. Благо он тоже оказался не очень далеко. Прошли по набережной, мимо карантинной гавани, и вышли к знаменитой потемкинской лестнице. Спустились по ней и обратно поднялись. Какое благо когда ноги еще молодые, и не чувствуют усталости.

Подшли и постояли возле памятника основателю города Дюку Ришелье. Я тут же вспомнил детские стишки: -если стать на крышку люка, то увидишь чл. н у Дюка. Поискал глазами и нашел ту самую крышку. И точно, стоя на ней, фигура держащего в левой руке свернутый в трубку свиток, грамоту на градостроительство, и складки одежды Дюка чрезвычайно похожи на мужские гениталии. Сходство еще больше усиливается во время дождя, когда со свитка стекает струйка.

И вот наконец добрались до того самого театра о котором я тоже еще в юности слышал целое произведение...

Раз пришел ко мне сосед

Как-то в воскресенье:

– Слушай, друг, пошли в балет

Ради развлечения...
В зал вошли, места нашли,
Сели, ожидаем.
Рассуждаем, мол, пришли,
А зачем – не знаем.
Заиграли трубы вдруг,
Люстры погасили,
Через несколько минут,
Занавес открыли.
А на сцене – благодать,
Устлан пол коврами.
А штукovina горит,
Разноцветными огнями!
Вдруг на сцену скак козой
Девка молодая.
Срам-то, господи, какой —
Ведь почти нагая! ...и в таком духе до конца представления...))

После своего первого визита в театр Фёдор Шаляпин написал жене: «... Был в театре и пришёл в дикий восторг от красоты театра. Я никогда в жизни не видел ничего красивее».

Осенью 1992 года, после своего первого выступления в одесском оперном, Елена Образцова сказала: «Ваш театр – жемчужина. Я пела практически на всех сценах мира, и отдаю предпочтение Вашему театру даже перед венской оперой, сооружённой по проекту тех же архитекторов»

Уникальная акустика подковообразного зала позволяет доносить даже шёпот со сцены в любой уголок зала.

Внутрь нам конечно в тот день попасть так и не пришлось. А жаль. Тем не менее, будем считать что первоначальное знакомство с «жемчужиной у моря» состоялось.

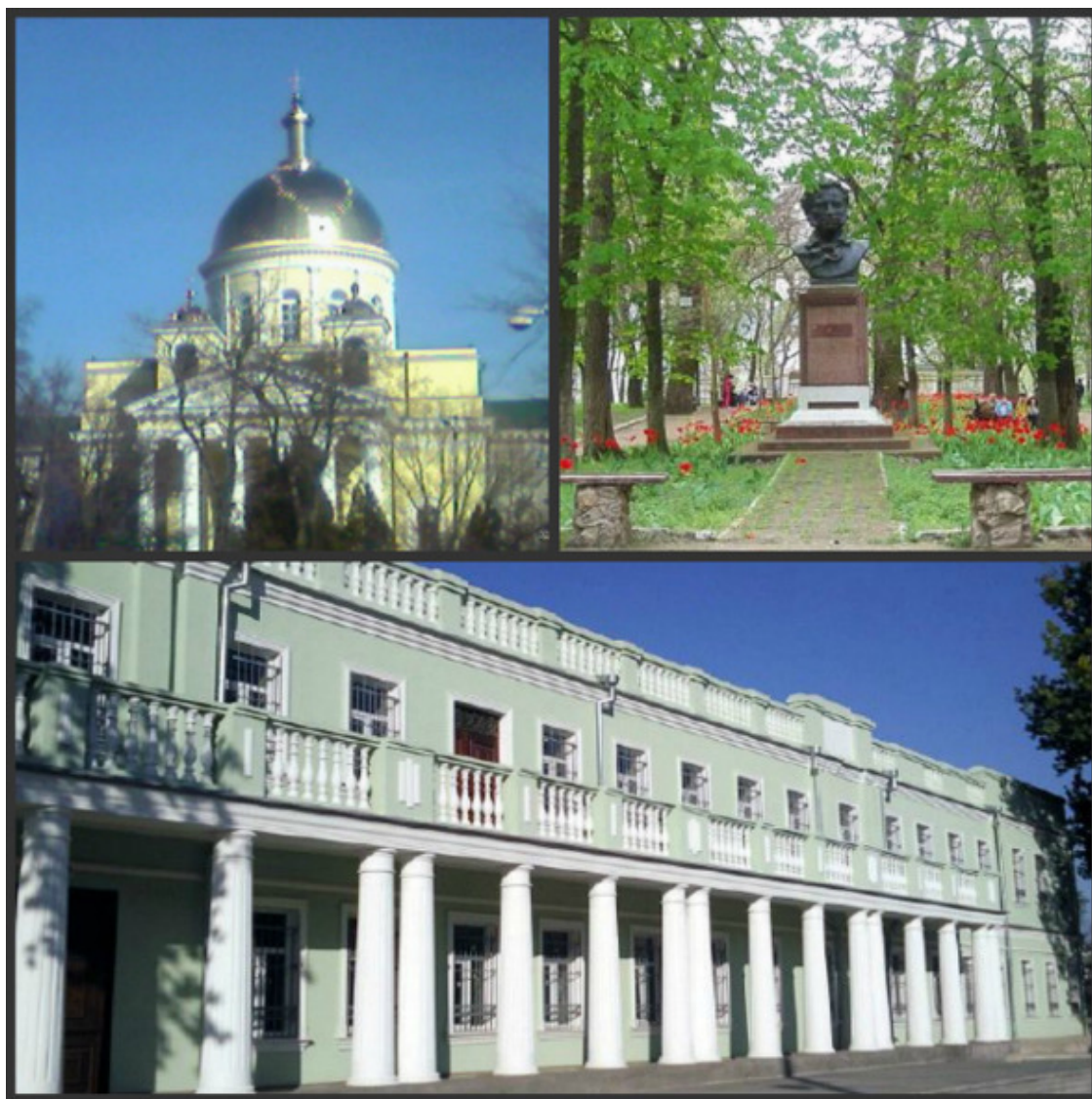
Все что было построено в досоветский период, конечно же впечатляло. Тот же театр и роскошный спуск к морю по Потемкинской лестнице. Если не пришло в запустение. Как например жилые кварталы. Замызганное состояние дворики и двух-трех этажных лачуг. Пере-населенность исторической части города. Зловоние и нечистоты все это конечно же не добавляет шарма. Город построенный над катакомбами*, постоянно находится как на пороховой бочке. Все время существует угроза обвала и провала. А периодически это происходит и реально. Дома в прямом смысле слова рушатся и проваливаются.

Поискали и нашли где отобедать. А затем уже на трамвае добрались на свою базу, железнодорожный вокзал. Билеты мы приобрели заранее. Поэтому слонялись до посадки в вагон по вокзалу и вокруг него. Тогда я узнал что такое Куликово поле. Увидел штаб Одесского военного округа и барельеф Г.К.Жукову на нем.

Прошлись по улице Пирогова и посмотрели на кпп 411 военного госпиталя. Что пришлось весьма кстати в дальнейшем. Теперь я знал где будут проходить лечение мои подопечные. Здесь же случайно, на углу одного из домов увидел мемориальную табличку и барельеф с изображением профиля моего любимого писателя, Валентина Катаева.

Все это находилось буквально вокруг ЖД вокзала, или по близости.

Пришло время, занимаем места согласно купленным билетам, в купе. Вместе с нами поселяется семейство военнослужащих. Он майор, фамилия Беспалов. Едет в ту же дивизию что и я. На должность начальника штаба одного из полков. Он уже битый воин, в ВДВ послуживший не один год. Закончил академию им М.В.Фрунзе. И вот по выпуску получил распределение сюда. Жены быстро нашли общий язык. А мой майор, узнав, что я всего лишь лейтенант, старается выдерживать дистанцию. Я его понимаю. Вполне может такое случиться что попаду с ним в один полк. А там я для него буду всего лишь одним из мелких подчиненных.

Болград

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1. Местный собор.2.памятник А.С.Пушкину в городском парке.3.Штаб дивизии.

Приехали утром на железнодорожную станцию с экзотическим названием Табаки. Мелкий полустанок сельского уровня. Хорошо, что ехали ночью, и я не сразу увидел все прелести Бессарабского края, который сам себе выбрал для дальнейшей службы и жизни. Забираем свои торбы и ищем автобусную остановку. Пока с женой стоим в толпе и ждем рейсовый автобус, за нашими попутчиками приезжает служебный УАЗик. Они погружаются молча, нам не пред-

лагают и уезжают, не помахав ручкой. Тоже понятно, все везде одно и то же – пресловутая субординация.

Но вот и наш транспорт, рейсовый ЛАЗ. Народу набивается под завязку. Сидячих мест для нас, конечно же, не досталось. Едем, дорога разбитая вдрызг, полный салон пыли, на зубах скрипит песок, становится душно, дышать нечем. Здесь мое ухо впервые улавливает какие – то гортанные звуки, режущие мой не искусственный слух. Совсем не понимаю, на каком языке разговаривают абorigены, это не русский, но и абсолютно не украинский язык.

«Что за чертовщина? Куда это я попал? – сам себе задаю вопросы, и пока не нахожу ответов. – Ну, видимо, это местное наречие, с которым я скоро свыknусь.»

За окнами проплывают непривычные пейзажи. Степь, лесополосы, холмы. Деревьев совсем мало. Серо-желтый пейзаж, выжженной за лето солнцем пустыни. Пожухлая трава и серая пыль на всем вокруг. Да уж, унылая природа. А вот и дувалы вместо заборов. Глинобитные дома, и рядом, на обочинах, сохнувшие кирпичи самана.

«Так это я еще в Украине или уже в какой то части Азии? – лихорадочно соображаю.»

Но вот, наконец, потянулись хорошо знакомые бетонные заборы, которые у нас бывают или вокруг промышленной зоны, или вокруг воинских частей. Вслед за ними по правой стороне появились двухэтажные «хрущевки» – лачуги, а затем по обе стороны, четырех и пятиэтажные корпуса.

«Ну, неплохое начало для города в двести тысяч,» – продолжал думать я.

– Это пригород? – спрашиваю у рядом стоящего местного жителя.

– Да, – отвечает он. – Вот сейчас, за перекрестком, уже начнутся городские кварталы.

Действительно, проезжаем перекресток, и он даже со светофорами, как положено. Как потом оказалось, такой только один из четырех во всем городе. А за перекрестком снова потянулись саманно-глинобитные одноэтажные лачуги, за все теми же дувалами, но изредка уже и за обычными кирпичными или деревянными заборами.

– Не понял, - снова обращаюсь к рядом стоящему попутчику, – так это что, и весь город такой одноэтажный?

– Ну, да, а какой он еще должен быть? - удивляется уже немолодой пассажир, который, по всей видимости, в своей жизни других городов и не видел.

– А эти дома, пятиэтажные, что вначале были, это кто там живет?

– А, так это военные городки. Там живут такие как и вы, - отвечает он мне безразличным голосом.

«Вон оно что!» – наконец, доходит до меня.

А тем временем автобус останавливается и водитель сообщает: - Центр города. Кому надо, выходите.

Выходим.

Классика, базар, вокзал, милиция. Все это сосредоточено вокруг зачуханной хибары с поблекшей вывеской, «Автовокзал».

«Вот это я попал!» – мелькнуло в сознании.

– А где здесь ваша гостиница? – интересуюсь у прохожего.

– А вот по левой стороне обойдите базар вокруг, и на следующем перекрестке увидите. «Золотой колос», называется. Делать нечего, пошли.

Проходим мимо, видимо, центрального входа на местный базар. Вокруг суетится народишко. Какие – то старушки в засаленных кожаных, овчиною внутрь, безрукавках, и в черных, завязанных по самые глаза платках, в таких же кацавейках и мужчины, но в овечьих папахах на головах. Под забором – телеги, на них в мешках визжат свиньи и блеют, привязанные к возам овцы. В некоторые тележки вместо лошадей впряжены ишаки и ослики. Изредка мелькают военные в ХБ-цвета хаки, полевых фуражках, в сапогах и при портупеях.

На улице уже припекает. Идем вокруг сплошного бетонного забора по разбитой вдребезги брусчатке из местного камня-песчаника. Под забором – горы мусора, вперемешку с лошадиными, собачьими, овечьими и прочими экскрементами.

Но вот и следующий перекресток, а за ним на двухэтажном домике видим табличку «Дом колхозника». Чуть ниже, более мелким шрифтом, написано: Гостиница «Золотой колос». Заходим, в регистратуре уточняем. Да, места есть. Общие, в одном номере на двенадцать человек. А женские? Нет, все вместе будете, если желаете. Переглянулись мы с супругой, но деваться – то некуда. Оформляемся. На втором этаже – большой номер. Солдатские железные, расшатанные кровати стоят рядами, как в казарме.

А там уже и поселенцев навалом. И все «наши» лейтенанты с женами. Хорошо, хоть пока без детей. Оказывается, они тоже только что поприезжали автобусами и поездами, попутками, короче, кто как смог, так и добирался. Быстро знакомимся. Медиков среди них нет. Все десантники. В основном, с Рязанского десантного училища, но есть и с Коломенского артиллерийского, и с других. С тыловых, автомобильных и прочих и прочих. Они уже и другие номера поселяли. Короче, колхозникам, пока что здесь делать нечего.

В ходе общения кто – то говорит, что в гарнизоне по идее должна быть своя, военная гостиница. И точно, уточняем у местной администраторши, оказывается, есть такая. Находится на окраине там, где военные городки. Собираемся несколько человек, едем местным маршрутом автобуса туда, но там, оказывается, таких как мы – уже давно битком набито. Подтопанная хозяйка трехэтажного «Отеля» по фамилии Чиркова, как бандерша в притоне, рыло задирает, разговаривать с нами вообще не желает. Плюнули, растерли и вернулись в колхозный дом, не солоно хлебавши.

Для того, чтобы жены могли переодеться, натягиваем простыни, и имитируем стенку-перегородку, поворачиваем головы в противоположную сторону. Здесь никто и не страдает по поводу такого бедламского поселения. Женщины уже накрывают общий стол, каждый вытягивает свои припасы, взятые в дорогу. Шум, гам, смех. В общем, весело. Окна из комнаты выходят на две стороны. С того, которое на торцовую, видны ворота базара с противоположной стороны. А прямо, справа от ворот, высится гора, именно, гора арбузов.

Предлагаю одному из только что приобретенных друзей сходить разведать, по чем местные нитраты, хотя в те времена о нитратах еще никто и не догадывался. И добавить их к нашему столу. Идем, спрашиваем у пацанов:

– Почем чудо-ягоды?

– По три-пять копеек за килограмм, – отвечают ребята – колхозники. Практически даром. Выбираем, которые на наш неискушенный взгляд самые, самые. Набираем, сколько можем унести, а заодно покупаем персиков, помидоров и огурцов. Отобедали на славу. Приняли по пару капель для снятия негативных впечатлений от знакомства с захолустьем. И сразу жизнь показалась не такой кошмарной, какой она была на самом деле.

Под вечер новоиспеченные друзья, настойчиво предлагали прошвырнуться по местности, но я отказался, ссылаясь на старость и усталость. Правда, договорились, что если они наткнутся на что – либо достойное внимания, то чтобы меня свистнули. На том и порешили. В десять, как обычно, несмотря на коллектив, я забрался в свою кроватку. Уснул быстро и крепко. Проснулся от того, что кто – то раскачивает мою кровать. Первая мысль была, что друзья нашли что -то реально интересное, и решили меня пригласить, поэтому я даже успел еще пробормотать, что сон для меня дороже приключений, что не надо меня будить, и никуда я уже не пойду.

Но тут кто-то начал орать, что в гостинице пожар. С другой стороны, голос визжал, что в гостиницу ударила молния. Ну, тут уж я мгновенно откинул в сторону одеяло и остатки сна. А когда раздался уже четвертый вариант, и кто-то из жен завопил, что это землетрясение, тут уж я и ноги сбросил с кровати на пол, в поисках тапочек.

Дверь в нашу комнату открывалась и закрывалась самостоятельно, кровать моя раскачивалась без чьей -либо помощи, а плафон под потолком болтался со стороны в сторону, как язык в церковном колоколе. За окном бушевала буря, дождь заливал окна сплошным потоком, и беспрерывно сверкали молнии. Жильцы номера находились в самых разных позах готовности к бегству. Одни, как и я, сидели в кроватях, свесив на пол ноги. Другие, обернувшись в простыни, как в тоги, напряженно застыли. Третьи выглядывали в окна. Короче, живая картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи».

Но стоило мне прикоснуться босыми ногами к холодным половицам, как все одновременно и мгновенно прекратилось. Остановилась дверь и плафон, кровать прекратила шататься. За окном прекратился дождь и молнии исчезли. Удивительная метаморфоза природы.

Некоторые жильцы настойчиво предлагали идти на улицу и там дожидаться рассвета, потому что, мол, сотрясения бывают минимум парными, а то и целая серия подряд. Три -четыре рязанско-коломенских барышень-лейтенантш, заразив паникой и мою жену, все – таки выскочили в чем попало на улицу. Надышавшись озоном, и продрогнув до косточек, минут через пятнадцать возвратились. Другие, ссылаясь на личный опыт, заверяли что ничего уже больше на сегодня не повторится. Я посмотрел на часы. Двадцать минут на первый час. И согласился с мнением последних. А пусть будет что будет! Через пару минут продолжал спать аки младенец. И слава Богу, до утра ничто уже нас, и меня в том числе, не беспокоило.

Встал как обычно в шесть ноль, ноль. Утренний туалет и моцион вокруг гостиницы. Вроде никаких видимых разрушений. За завтраком приняли решение, что девушки остаются

дома, а мальчики выдвигаются в штаб дивизии. Нужно было в первую очередь посетить отдел кадров, и своих, предполагаемых начальников.

Шли в штаб по дороге, уточняя маршрут у аборигенов. И тут же обращали внимание на последствия ночной стихии.

Да, кое – что попадало, развалилось. Это печные трубы, кирпичные ограды по краям крыш румынских домиков и даже некоторые заборы. Кучи строительного мусора. Короче, упало все, что должно было упасть и потрескалось все, что должно было дать трещину. Кто – то из наших нес в руках миниатюрный радиоприемник, по которому шли последние новости. Мы остановились и прослушали, что эпицентр землетрясения был где – то в Румынии, и что значительные разрушения произошли в Кишиневе, по всей Молдавии. И что даже имеются человеческие жертвы. Так я впервые столкнулся с таким природным явлением. Много еще раз мне пришлось видеть воочию и переносить эти тряски, но по сравнению с тем, что мне пришлось со временем увидеть в Спитаке, это были даже не цветочки.

ШТАБ

Штаб дивизии представлял собою двухэтажное здание длиной около восьмидесяти метров. О-образное, с внутренним двориком. Фасадная часть была украшена балконом во всю длину, поддерживаемым довольно внушительным рядом колонн. Расположен в запущенном скверике. А напротив здания штаба, по диагонали, метрах в ста – местный кафедральный собор. Уменьшенная в пять раз копия Исаакиевского собора, но тоже довольно внушительный. Говорят, что он в состоянии вместить до пяти тысяч прихожан. Здесь, в скверике, я встретил и своих однокурсников, которые прибыли сегодня утром. Они находясь в поезде, землетрясения и не заметили.

Все вместе направляемся на прием к начальнику медицинской службы дивизии. Снова волнуемся, потому неизвестно, как он нас встретит вообще. А второй момент не менее важный, как он распределит по частям дивизии и на какие должности. На входе стоят дневальные, солдаты из комендантской роты. Сначала они выясняют у дежурного по штабу можно ли пропустить лейтенантов- выпускников. Тот в свою очередь звонит нашему начальнику и уточняет, ждет ли он таких -то и таких. И только после того, как тот подтверждает, нас пропускают.

Проходим через внутренний, довольно обширный дворик. Со своим плацем для построений, микросквериком, курилкой, туалетом и даже со своим магазином. Нам в параллельный корпус, первый этаж направо по коридору до конца и налево. Стучим в дверь.

– Да! – слышим из-за двери, входим. Кабинетик довольно тесный, мы еле протискиваемся. По очереди представляемся. Нас принимает офицер, подполковник, лет чуть за сорок. Невысокого роста, крепыш, с широким, веснушчатым лицом.

– Подполковник Гребенюк Борис Васильевич. Начальник медицинской службы дивизии, – представляется он нам в свою очередь. Присесть не предлагает, потому что все равно для всех и места то нет. – Давно жду вас, ребята, но все равно сегодня вы явились не во время. С сей минуты у нас начинаются десятидневные штабные учения, и мне, да всему штабу не до вас, поэтому у меня к вам просьба. Вы устраивайтесь, кто как может. Квартир в дивизии для семейных нет, а для холостяков есть общежитие.

Поэтому пока обживайтесь, знакомьтесь с городом, отдыхайте. Еще успеете наслужиться. И приходите ко мне ровно через десять дней.

Мы вышли на улицу. Целых десять дней свободного времени! Чем же заняться? Присели на скамейку в сквере. Перекурили, обсудили план своих занятий на эти дни. Я доложил коллективу, что займусь поиском жилья, и получением контейнера с имуществом, который уже должен по идее быть на контейнерной станции. И тут же попросил, и заручился согласием, что однокурсники помогут мне его разгрузить. Они все трое были еще не женатыми. Им нужно было получить в отличии от меня только багаж. И поселиться в общежитие, а дальше будет видно, чем заниматься. Разбежались.

Я вернулся в гостиницу. Жена за это время уже переселилась в освободившийся двухместный номер. Я рассказал ей о наших проблемах. Нужно отправляться на поиски жилья. В центре города находился гарнизонный госпиталь емкостью семьдесят коек. Он был самостоятельным, окружного подчинения. Хотя в основном, работал на дивизию. Тоже в центре, рядом со штабом дивизии, находился и дивизионный медицинский батальон. Я предполагал, что скорее всего сразу занять какую – либо должность в медбате мне вряд ли светит. И службу

мне придется начинать с полкового звена, поэтому и жилье необходимо подискать где – то поближе к крупным частям.

Сориентировались по подсказкам бывалых где и что находится, автобусом доехали к расположению полков, которые, как оказалось, находились там же на периферии, где, соответственно, были и жилые городки офицерского состава, в которых мне в ближайшие годы проживание не светило. Дивизия, как и все ей подобные, состояла из четырех полков. Три полка парашютно – десантные и один артиллерийский. Плюс к этому восемнадцать отдельных, специальных, вспомогательных батальонов и рот. Артиллерийский полк, как я уже упоминал выше, располагался в ста километрах от Болграда, на хуторе Веселый Кут. И куда по заверениям полковника Сердцева, у меня еще была возможность попасть. Два полка и все специальные батальоны и роты в Болграде. А третий, парашютно-десантный полк, находился на особом положении. Туда, оказывается, можно было попасть по особому благу. И на распределении в академии нам о нем вообще никто и не упоминал. А квартировался он в столице Советской Молдавии, городе Кишиневе. И мы о нем на пару лет тоже забудем.

Договариваемся с женой, что она идет по четной стороне улицы, а я по нечетным номерам. Будем прочесывать улицу за улицей. Звонить, стучать, спрашивать. Через час мы убедились, что дело это не простое. Хозяева частных домов в один голос заверили нас, что найти свободные метры вблизи полков вряд ли нам удастся. Нужно искать подальше. Где – то в центре, или вообще на противоположном конце городишка.

Так мы сделали. Переместились в центр, а затем медленно, улица за улицей, оказались аж на другом конце этого населенного пункта, где одна из бабушек и предложила нам свою пристройку к дому. Может потому, что ноги у нас уже подгибались, языки и те заплетались, я согласился. Это была улица «25 августа», дом №17. Стандартный саманный домик. Пристройка, со стенами в один кирпич. Площадью в двадцать пять квадратов. Микрокухонька и спальня. Отопление – грубка, в расчете на наши дрова. Удобства общие, во дворе. Как заверила хозяйка, зимы у них теплые, и возможно, что топить и не придется, поэтому на первое время, мы можем спокойно поселиться и не волноваться. На том и порешили.

Через день жена уехала за дочерью, а я занялся устройством быта. Погода в том году до пятнадцатого сентября стояла прекрасная. Непривычное для меня, яркое и теплое солнце заливало окрестные степи и балки. Я встретился со своими однокашниками у них в общежитии. На общем совете решили прокатиться, пока стоит погода, по окрестностям, ознакомиться с местом, где мы оказались.

Местные жители похвастались нам, что основной достопримечательностью их родины является природное озеро Ялпуг. Сорок километров в длину и местами от двух до четырех километров в ширину. Самый большой, естественный водоем в Украине. Вот нам и захотелось посмотреть, как оно выглядит. На автовокзале приобрели билеты на автобус, который отправлялся по маршруту «Болград-Котловина», через Виноградовку.

Ориентирую читателя на местности. Все знают с истории, что Суворов отвоевал у турок город на Дунае, Измаил. Так вот от Болграда до Измаила, а соответственно и до Дуная, сорок километров. Сам Болград расположен на вершине озера. А мы решили переехать на другой берег, чтобы посмотреть на место нашей дислокации с противоположной стороны. Переезжаем по мосту искусственный канал, который впадает в озеро, и был сооружен относительно еще недавно для орошения полей в Молдавии. А сама Молдавия, вот она. Условная администра-

тивная граница находится буквально за окном маршрутного автобуса. До ближайшего районного центра Вулканешты от Болграда 15 километров.

Так получится, что сама украинская Бессарабия находится ниже, южнее Молдовы. С большими потугами, по грунтовой дороге, посыпанной крупной щебенкой, автобус поднялся на высокий берег.

Проезжаем крайнее «украинское» село Виноградовка. Как чуть позже мне стало известно, что украинцами в местных селах никогда и не пахло. И как только проехали черту села я обратил внимание на впервые в жизни увиденные аккуратно разбитые на квадраты, плантации чего – то. Спрашиваю у Леша Качулы, а он родом из Краснодарских краев:

– Что это?

– Так это и есть виноградники.

– Так давайте тут и выйдем. Мы уже находимся на другом берегу.

Просим водителя и он останавливается. Мы, одетые в спортивные костюмы и легкие ветровки, выходим. Трое из нас впервые видят, как растет виноград, поэтому Леша, как знаток, идет впереди, а мы за ним.

Заходим посередине плантации в междурядья. На аккуратно вкопанные бетонные столбики, туго натянутая проволока, шпалеры, называется. К ней подвязан каждый кустик виноградной лозы. Виноградные гроздья свисают, примерно, на уровне одного- полтора метра от земли. Срываю первую в своей жизни виноградную ягоду. Вкусно! Выбрали по паре-тройке наиболее приглянувшихся гронок и по тропинке, предназначенной для проезда транспорта при сборе винограда, медленно спускаемся вниз, на ходу наслаждаясь солнечными ягодами.

Огромная зеркальная гладь воды сверкает, переливается всеми цветами радуги в лучах полуденного солнца. Весь берег, к которому мы стремимся, покрыт буйной растительностью экзотических для меня деревьев и кустарников. Мне почему -то весь этот пейзаж показался библейским. Таким, как я его видел на иллюстрациях в ветхом завете.

– Ребята, а это что за дерево перед нами? – задаю я наивный вопрос.

– Так это же обычный грецкий орех, – снова вступает в объяснение знаток южной растительности Качула.

– Вот те раз, столько раз приходилось кушать его плоды, а дерево вижу впервые, – с удивлением, глядя на огромное дерево, произношу я.

– А вон то, слева, с серебристыми листьями и какими – то сероватыми плодами, что за кустарник или это дерево?

– А, так это дикая маслина. А вот рядом, с желтыми гроздьями, тоже дикая, но облепиха.

Чем ближе подходили мы к прибрежной полосе, тем больше я поражался красоте местной природы. Она была не сравнимая, с теми местами, которые мне приходилось видеть ранее. Весь спуск к воде был изрезан глубокими оврагами – промоинами, куда веками стекали ливневые потоки. Они тоже были заполнены кустарником акации, шиповника и еще мне неизвестными, но очень колючими растениями, типа софора, на местном наречии – глядича.

Нашли тропинку, по которой спустились к самой воде. На расстояние до тридцати и более метров, от суши в воду заходила стена камыша, высотой до двух и более метров. Погода в тот день стояла тихая, безветренная. Только периодически ровную гладь воды тревожили всплески огромных рыбин, которых здесь, видимо, было много. У самой кромки воды росли лозы, вербы и огромные липы.

Налюбовавшись экзотической природой, переполненные приятными эмоциями, вдоволь надышавшись кислородом, попробовав винограда и грецких орехов, мы потянулись к трассе. Спустились в село, и на остановке дождались первого попавшего рейсового автобуса в обратную сторону.

На следующий день я съездил на железнодорожную станцию и узнал, что мой контейнер с вещами уже прибыл, можно забирать. Нашел местную коммунально – эксплуатационную часть, там договорился с начальником и водителем грузовой машины. В следующий день привез его по своему новому месту жительства. Однокурсники помогли его разгрузить и перенести вещи в мою мазанку.

После чего мы сходили в местный, самый «крутой» ресторан по тому времени, и я, соответственно, выставился. Неплохо посидели, ребята даже познакомились с местными барышнями. От них в тот вечер я и услышал о том, какие национальности населяют город и район.

Как оказалось, основная часть аборигенов, это болгары, переселенцы, которые эмигрировали со своей родины под защиту Российской империи, спасаясь от турецкого насилия более двух веков назад. О расшифровке названия города узнал намного позже. Болград не потому, что болгары населяют его, а потому что бол- по болгарски означает изобилие, ну и град, само собой. Город изобилия. Если в плане фруктов и овощей, то соглашусь. В остальном, все было в обычном, советском дефиците.

Вторая, наиболее существенная часть местного населения, это гагаузы. Я – то и слово такое в тот вечер услышал впервые. Оказалось, что это турецкое племя, и язык у них, соответственно, за незначительными отклонениями, турецкий. Но оно (племя), по каким – то причинам рассорилось с основной частью своей родины, и тоже люди уехали в эти бессарабские края. Российский царь, не будь дурак, взял их под свое покровительство при условии, что они примут христианство. И счастье Украины и Молдовы, где они более — менее компактно проживают, что они не мусульмане. Иначе, давно имели бы мы свою пороховую бочку.

А далее по численности идут молдаване, русские, украинцы, румыны и все, кто только проживал на территории Советского Союза. До развала Союза все было относительно благополучно.

От нечего делать, мы болтались по городу, по базару и магазинам. Кто – то предложил на следующий день съездить снова на ту сторону озера и собирать орехов. Так и сделали. Взяли мешки и поехали. Орехов там были целые плантации.

Собираем, трясем деревья, лазим по ним с палками, заготавливаем на зиму подножный и, как нам казалось, ничейный продукт. Сидя высоко на дереве, случайно замечаю двух кобоев на одном их холмов. Они поглядывают в нашу сторону и прислушиваются. В руках держат охотничьи ружья. На всякий случай шикаю, чтобы мои парни притихли. Но охотники уже направляются к нам. Подходят, интересуются, кто мы такие и что здесь делаем, предварительно представившись местными лесниками. Мы тоже, в свою очередь, не стали скрывать и отнеки-

ваться. Рассказали откуда мы. Тогда они нам объяснили, что орехи принадлежат лесничеству, и просто так кому попало их собирать нельзя. Мы пообещали, что больше не будем. Про себя решили, что меньше тоже не станем. На том и порешили. Они ушли, а мы дополнили свою тару и уехали все ко мне, потому что орехи еще надо было просушить. А мой заасфальтированный дворик к этому как раз и подходил.

В оставшиеся дни отлеживались на пляже и купались в озере. Температура воды этому способствовала. Но вот и наступил конец незапланированным, десятидневным каникулам. Мы снова в форме, идем в штаб. Стучимся в дверь кабинета начальника.

– Можно?

– Да.

У начальника кислая рожа и он держится за голову.

– Отдохнули? – это он нам.

– Так точно! – это мы ему.

– Ну, тогда за дело. Сейчас я распишу, где каждому служить. Затем пойдете в отделение кадров, и там вам оформят предписание.

Кратенько опросив, кто и кем себя видит в перспективе, тут же расписал-раскидал нас по неведомым для нас еще полкам и отдельным батальонам. Ни о Веселом Куте, а ни тем более Кишиневе, речи не было. Я уже про себя успел порадоваться, что предсказание полковника Сердцева не сбылось.

– Все, идите к кадровикам. Там скажете на словах, куда я вас определил. Сегодня пятница, а с понедельника выходите на службу в своих частях. Свободны.

На втором этаже противоположного корпуса находим отделение кадров. Снова стучимся, заходим. За столом, в небольшом кабинетике, восседает вальяжный полковник. Табличка на дверях гласила, что его фамилия Левчук. Представляемся, здороваемся. По его приглашению присаживаемся на стульях за приставной столик.

– Медики говорите? После Ленинградской академии значит? Гребенюк вас уже расписал кого куда, говорите. Вася!, а подай – ка ту телеграмму, что по медикам! – громко приказал он какому – то Васе, который выглянул из-за неприкрытой двери из смежного кабинета. Прапорщик, видимо Вася, подал полковнику четвертушку от стандартного листа серой бумаги. Левчук натянул на физиономия очки, сосредоточился и начал зачитывать: «На основании приказа... от... всех четырех, нижепоименованных выпускника ВМедА, лейтенантов... срочно откомандировать в в.ч. города Кировабад, Азербайджанской ССР».

Мы не слышали номер приказа, дату и прочую лабуду. До нас только дошло, что всех четверых надо срочно отправить в Кировабад. Наши морды вытянулись, нижние челюсти отвисли.

Полковник внимательно посмотрел на нас.

– Ну, че приуныли? А Гребенюк разве не знает о существовании этой телеграммы?

– Видимо, даже не подозревает, -ответил я.

– А как это так случилось, что нас распределили сюда, а теперь перекидывают черт знает куда? – набравшись наглости, с учетом того, что нам здесь больше нечего терять, спрашиваю я полковника.

– А это вы спросите у своего Гребенюка, который от балды подал заявку на четырех выпускников, не заглянув в свой штат, не поинтересовавшись даже, имеются ли свободные места для них. Ну, и благодарите своих московских начальников, которые хоть и с опозданием, но исправили его ошибку.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, лейтенант...

– Слушаю тебя.

– У меня следующая ситуация. Моим однокурсникам намного проще, они даже свой багаж еще с почты не забирали. Сейчас переадресуют, возьмут билеты и уедут. А как быть мне? Я уже получил и разгрузил в снятой квартире контейнер. Теперь нужно снова все это грузить и отправлять.

– Да, действительно, проблема. Особенно с учетом того, что получить контейнер у нас не так – то просто. Идите к Гребенюку и решайте вопрос с ним.

И тут же снимает трубку и соединяется с нашим несостоявшимся начальником.

– Борис Васильевич, ты в курсе, что я твоих академиков отправляю в Кировабад?

– Как в Кировабад? – слышу я в трубке...

– А это ты у своих московских хмырей спроси. И сам вспомни, как ты на них заявку сочинял, с какого будуна, если в дивизии для них нет вакансий. Полковник уже нас не стеснялся, потому что мы для него были перед глазами последний раз в его жизни.

– Так, пока я буду выписывать и оформлять перевод для твоих однокурсников, беги к Гребенюку и решай вопрос, -то он мне говорит.– Чем быстрее, тем лучше.

Я выскакиваю на улицу, и сначала по – быстрому перекуриваю ситуацию. Затем стучу в дверь к ненавистному уже теперь местному начмеду. В этот раз без всякой дрожи в коленках и без зазрения этой самой совести. Мне уже в этом Болграде все равно делать нечего, и стесняться некого. Это по его вине мы оказались здесь. Это с его подачи я теперь прибуду в этот Кировабад самым последним, и хорошо, если еще там будет хоть какая – то должность. Захожу в кабинет. Подполковник по – прежнему страдает с похмелья, смотрит на меня из -под лба.

Выкладываю ему ситуацию с контейнером, он аж застонал.

– Езжай прямо сейчас в Табаки и узнай, как быстро можно получить этот самый ящик-контейнер.

– Да, я в курсе, – раздается за моей спиной голос машинистки- секретарши, – минимум месяц-полтора нужно ждать. Вот на днях офицер из службы РАВ ездил, для себя заказывал, – говорит она.

– О, ужас! – произносит со стоном подполковник.– Но что же делать? Чем ты будешь у меня полтора месяца заниматься? Москвичи ведь меня не поймут. Что же можно придумать?

Стискивая ладонями виски, вопрошал он, закатывая глаза к потолку. Видимо, своих начальников он побаивался всерьез. Затем схватился и начал думать, вышагивая взад-вперед по кабинету.

– О, кажется, придумал! Если он, конечно же, согласится.

– Значит ситуация такова, – присев за стол, подполковник теперь обращался ко мне. – У нас сейчас на гауптвахте сидит лейтенант Кичук. Выпускник Томского факультета этого года.

Он по штату младший врач 299 —го полка. Будучи начальником патруля, умудрился напиться и сам загремел на нары. Я его сейчас вызову с гауптвахты, если он согласится ехать вместо тебя в Азербайджан, то вопрос будет решен. А ты согласен идти на должность врача полка?

– А куда мне теперь деваться, не до жиру, – отвечал я.

Достаточно оперативно лейтенант с гуппельвиллы прибыл в кабинет к начальнику. Гребенюк обрисовал ему ситуацию.

– Товарищ подполковник! По гроб жизни буду вас благодарить! – начал заверять лейтенант. – Мне ведь теперь в полку делать нечего. Там замполиты вместе с медперсоналом на меня длинные клыки заточили. Так что с огромным удовольствием уеду из этого вашего Болграда. Даже и не сомневайтесь.

Гребенюк тут же позвонил Левчуку, и в общих чертах быстро рассказал ситуацию. Тот в свою очередь заверил, что проблем с такой заменой быть не должно. Для Москвы все равно, какой лейтенант, лишь бы количество совпадало. Все облегченно вздохнули. Я понял, что теперь не надо выбивать и дожидаться злополучного контейнера. С другой стороны, именно дефициту этих железных коробок, я обязан тем, что остался все таки в 98 ВДД, а не попал в 104-ю.

– Все, иди к Левчуку, выписывай предписание на 299 ПДП, младшим врачом. Выхожу во двор, мои однокашники уже здесь, перекуривают.

– Ну что? -почти хором спрашивают меня. Мне в какой – то степени неудобно перед парнями. Получается, что их сюда сманил, а сам теперь от них отрываюсь. Как могу, объясняю ситуацию. И прошу у них прощения.

Они наперебой заверяют, что все понимают, и на меня не в обиде. Прошу подождать здесь, пока я получу свое предписание. Выйдя от кадровиков, предлагаю ребятам идти ко мне на квартиру, забрать свои орехи. Они соглашаются. Но сначала все вместе идем на почту. Они покупают посылочные ящички. Приходим ко мне, каждый пакет по коробке уже высохших орехов, и адресуют на родину. Снова идем на почту и пацаны отправляют по домам привет из дикой Бессарабии.

Затем идем в военторговскую столовую, где обедаем, с принятием по сто граммов, для снятия сегодняшнего стресса. Здесь же договариваемся, что завтра с утра, я провожу их на автовокзале в обратный путь. На этом и расстаемся.

Встречаемся в девять утра на вокзальной остановке. Все та же привокзально-базарная суэта. Все еще тепло. До отправления автобуса около двадцати минут. Ребята в форме, а я уже по гражданке. Состояние на душе у всех крайне тоскливое. Обрывается последняя жилка в пуповине, связывавшая нас столь длительное время. Курим, говорим о том, о сем и ни о чем. Я стою чуть в сторонке, справа. Вдруг слышу за спиной голоса:

– Здравствуйте, ребята.

– Здравствуйте.

– А вы случаем не те, которые уезжают в Кировабад?

Краем левого глаза вижу, что напротив моих однокурсников стоят две мадам. Одной лет за сорок, второй примерно тридцать. Обе вульгарно накрашены.

– Да, те, а что?

– Ой, да мы сами медички из полка. Наслышаны о вашей проблеме. Как жаль, мальчики, что с вами так нехорошо поступили.

– Ничего страшного, на то она и военная служба. Всякое может быть, – отвечает Валик Пороховой.

– Ой, не скажите. А правда, что один из ваших остался в дивизии?

Да, правда.

– Ой, а расскажите, что он собой представляет.

– А вам это зачем? Вот придет на службу, и узнаете, -включаясь в интригу, отвечает Леша Качула. Я стою, помалкиваю.

– Да понимаете, до нас дошли слухи, что он очень строгий и даже жесткий. Что он коммунист, что уже семейный.

– Ну и что, что, строгий, зато справедливый, -продолжает подыгрывать Леша.

– Да, вот мы слышали, что он всех в медпункте заставит работать...

– А вы как хотели? -тут уже чуть ли не хором, отвечают мои однокашники. Я принимаю решение вмешаться, и прекратить эту игру. Поворачиваюсь к барышням.

– Здравствуйте. лейтенант Озерянин, рад знакомству. Да, я и есть тот самый, о котором вы говорите. А вы кто будете? Лица у дам округлились и полезли из орбит, вытянулись, вот- вот сознание потеряют. Нет, не попадали, но дар речи точно потеряли..

– Что, сказать нечего? Ну, тогда и не надо вам за глаза наводить справки обо мне. В понедельник приду к вам, вот там и познакомимся. А насчет работы, то да, у меня вы не повольните. Придется выкладываться так, как того требует Устав и наставления по медицинской службе, – нагоняю я на них страху.

– Вопросы еще есть?

Они ни не сговариваясь, без команды, круто выполнили поворот кругом, и дернули со скоростью ветра в шесть-семь метров секунду. Когда отбежали уже метров двадцать в сторону милицейского участка, еще оглянулись, что- то проквкали, размахивая руками, и исчезли в толпе.

В этот момент подошел нужный автобус.

– Да, вам не позавидуешь, – начали на перебой сочувствовать мне сослуживцы. Видать, там еще тот коллективчик, если они уже заранее переживают. Ну, что же, держитесь!

Мы обнялись и попрощались... навсегда. Автобус ушел. Я остался один в этом диком краю. До выхода на службу остались одни сутки.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь праведным трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

Написал А. С. Пушкин в поэме «КИРДЖАЛИ», когда судьба и царское повеление закинули его в эти же края.

ВДВ. Полк. МПП

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Центральное КПП 299пдп. Здесь я переступил порог в свою офицерскую службу и врачебную деятельность.

В течении последнего выходного дня готовлюсь к службе. Чищу и выглаживаю форму. Повседневную и полевую. Утюжу свой накрахмаленный, сверкающий белизной, корейский двубортный халат. А голову никак не покидают мысли: «А как это обо мне слава уже проникла в полк? Откуда средний медперсонал уже прознал кто я и что я? С одной стороны это и хорошо, – успокаиваю я сам себя, – что бояться, заранее наводят справки и трясутся. Проще будет работать. А с другой, не люблю я лишнего шума вокруг своей персоны. Ну, да ничего, имею опыт, не впервой мне приживаться в совершенно чужих, давно сложившихся коллективах».

Утром укладываю в «дипломат» халат и фонендоскоп. Беру с собою соответствующие документы, одеваю парадную форму одежды. Положено по Уставу представляться командиру части при полном параде. И хоть день совершенно не праздничный, в этом мелком городишке – гарнизоне, никого и никакой формой не удивишь. Да, по прибытию я специально уточнил, сколько жителей проживает в городе. Оказалось, что вместе со всеми военнослужащими до двадцати тысяч не дотягивает.

Снова и снова смотрел я в свой, приобретенный когда то в Пскове, географический атлас. Там четко стояла цифра – двадцать тысяч. И до сих пор не пойму, под каким воздействием, перед распределением я увидел там цифру двести тысяч.

Улица, в самом конце которой я теперь проживаю, другим своим концом упирается прямо в КПП полка, в котором мне предстоит служить. А по середине улицы находится штаб дивизии, мимо которого я сейчас бодро шагаю. Вышел из дома в половине восьмого утра, чтобы в восемь быть на территории части. Смотрю, вот и КПП с воротами для транспорта. Все стандартно, как обычно.

Сержант, дежурный по проходной, интересуется целью моего сюда появления. Я сообщаю ему, что пришел сюда служить, демонстрирую заранее заготовленное предписание, сам очень жажду встречи с командиром полка

.– А он куда – то выехал полчаса назад, – сообщает мне сержант.

– Ну и ничего, я подожду, – говорю я и иду в строевую часть.

По дороге в штаб, до которого от пропускного пункта пятьдесят шагов, я постараюсь рассказать неискушенному читателю, что такое ВДВ и его структурная единица – полк. Со своей, конечно, точки зрения. Поэтому профи пусть потом в комментариях поправят, если что то не так.

Воздушно – десантные войска, по сути – это обычная пехота, хотя есть у нее и кое – что необычное по сравнению с пехотой обычной. Извините, за тавтологию. Главная особенность этих войск, это способ и средства доставки их к точке приложения. Если сухопутная пехота широким фронтом, в пешем и машинном порядке теснит врага на обширной территории, то десантников применяют локально, в замкнутом пространстве. На вражеской территории. А доставляют их туда военно – транспортной авиацией. Это могут быть самые разные типы авиации.

Непосредственная высадка на местности происходит с помощью специального устройства под названием парашют. По- возможности, когда подразделения выбрасывают из самолетов на парашютах в тыл врага, в одну из первых и главных задач входит захват местного аэродрома для того, чтобы основную массу личного состава, техники и грузов можно было доставить к месту назначения посадочным способом.

И тогда, как ее часто называют, «крылатая пехота» сможет выполнить основную свою задачу. А это вплоть до захвата и нейтрализации неприятельского правительства, крупного штаба, типа министерства обороны, и другие, наиболее важные стратегические объекты.

Например, как узнал я намного позже, по планам советского верховного руководства, целью приложения 98 ВДД, то есть этой самой Болградской дивизии, был захват проливов Босфор и Дарданеллы, чтобы обеспечить комфортный проход Черноморскому флоту на просторы мирового океана.

Численный штатный состав развернутого десантного полка от 1500 до 1700 человек. Главное отличие парашютно-десантных полков (ПДП) от мотострелковых полков (МСП) – это отсутствие в их составе танковых подразделений и наличие лёгкой авиадесантируемой бронетехники, воздушно-десантной службы и подразделений десантного обеспечения, задачей которых является обеспечение всех подразделений полка средствами для парашютного десантирования.

Любой, в том числе и десантный полк, состоит из трех линейных батальонов. Плюс два дивизиона. Артиллерийский и зенитный. Так вот к чему я веду всю эту расшифровку? Просто стараюсь сузить внимание читателя к медицинскому обеспечению ВДВ. И если во всех вооруженных силах СССР, по штату, в каждом батальоне и дивизионе числится его преподаватель фельдшер, то в десантном линейном батальоне – врач.

Скажите, зачем государство идет на такое расточительство? На 200—300 человек личного состава, закреплять целого доктора? А это уже специфика ВДВ. Здесь каждый линейный батальон в боевой ситуации способен действовать автономно, то есть выполнять отдельные задачи в отрыве от остальных сил. Фельдшерских знаний будет недостаточно для оказания первой врачебной помощи в полном объеме, но это так рассчитано на военное время. А пока

Советский Союз не ведет открытой полномасштабной войны. За исключением, конечно, «ограниченного контингента в ДРА», в описываемый период истории.

В местах постоянной дислокации находится шесть полнокровных десантных дивизий. И в каждой, по штату пятьдесят семь врачей. И весь штат каждой дивизии укомплектован врачами на сто процентов.

Седьмая, то есть 103-я гвардейская воздушно-десантная ордена Ленина, Боевого Красного Знамени, Кутузова 2-й степени дивизия имени 60-летия СССР, Витебская дивизия, седьмой год, как находится на войне, в Афганистане. Там, конечно, одно только название, что она Витебская. Уже за семь лет войны личный состав той дивизии, которая первоначально туда вводилась, многократно поменялся. В том числе и врачи практически всех дивизий ВДВ там побывали, прошли, так сказать, горнило огненной закалки. Вот и начмед моего нынешнего полка, с которым мне сегодня предстоит познакомиться, майор Вяткин, кавалер ордена Красной звезды.

Итого в каждом десантном полку по семь врачей. Это начальник медицинской службы, начальник медицинского пункта, младший врач полка, врач-стоматолог и три батальонных доктора. Естественно, что такое изобилие медиков в полку с высшим образованием, балует командный состав части. И параллельно обесценивает их в глазах, как всего личного состава полка, так и в первую очередь, в глазах офицерского состава. Типа, ну подумаешь врач! Да у нас этого добра в полку, куда не плюнь, так в медика и попадешь.

А почему так происходит? Да потому, что кроме врачей есть еще прапорщики – фельдшера. Их тоже минимум четверо. Это фельдшер медпункта, начальник аптеки, и на дивизионах по штату тоже прапорщики-фельдшера. А еще в каждой роте есть штатный санитарный инструктор. Должности эти, в основном, укомплектованы сержантами срочной службы, закончившими специальную школу, учебное подразделение, в учебной дивизии. Но есть на этих должностях и сверхсрочно служащие. В самом медпункте имеются по штату и в наличии, медсестры, санинструкторы и лаборант.

Я перечислил всю эту массу военных медработников, потому что все они по очереди, по графику заступают на суточные дежурства по медпункту. И врачи дежурят на одном уровне с санитарными инструкторами и медсестрами.

Народ же у нас наблюдательный. И делают свои выводы.

«Если сержант – сверхсрочник выполняет ту же задачу, да и не менее успешно, чем врач, значит грош цена в базарный день такому доктору. И на обеспечении стрельб, прыжков, вождения техники и прочих занятий по боевой подготовке, фельдшер – прапорщик на том же уровне справляется со всеми проблемами, что и выпускник целой академии, а иногда даже лучше его, то на кой нам нужен целый капитан?» – иногда задаются таким вопросом отцы – командиры. Категория врача нивелируется в этих войсках.

Кроме взвода, примерно, в двадцать пять человек, которых ежегодно выпускает ВМедА, для ВДВ ежегодно продуцирует минимум пятнадцать врачей и Томский военно-медицинский факультет. При этом, видимо, преднамеренно подготовка наших коллег на этом факультете происходит так, что они выпускаются на месяц раньше, чем мы, «академики». Что это им дает? Чтобы догадаться, много ума не надо. Они приходят в войска раньше нас и занимают все более – менее приличные вакантные должности. Мы приезжаем к шапошному разбору. И так каждый год.

Вот поэтому, лейтенант Кивчук, выпускник этого самого факультета, к моему приезду уже успел послужить, залететь, и даже посидеть на гауптвахте. Кроме них, во все войска, в том числе и в наши, попадают разными путями, врачи, так называемые «пиджаки». Это парни, окончившие медицинские институты, при которых имелись военные кафедры, они их «успешно» отсидели и тоже получили звание «лейтенант запаса». Потом доблестные военные комиссары призвали их на годик (два) послужить. Некоторым служба показалась медом, и они изъявляют желание продолжить ее и далее.

По непроверенным мною данным, каждый год ВМедА выпускала в войска примерно пятьсот врачей. Большинство из них шли в ВМФ. Каждый год военные факультеты, их было, примерно, пять, выпускали еще тысячу двести военных докторов. Вот столько ежегодно поглощала Советская Армия только военных эскулапов. Ну и, примерно, столько же выходило на пенсию.

Огромное количество докторов из ВДВ, уходило на отдых по выслуге лет в «высочайшем» звании капитан. Они как ложились на должность батальонного, так и просыпали благополучно все двадцать-двадцать пять лет.

Кроме того в дивизии существовало пять отдельных батальонов и к ним приравненных частей, в каждом из которых тоже по капитану. Но это уже считалось даже круто. Например, врач эскадрильи. В каждой дивизии своя небольшая эскадра АН-2.. С летным пайком и всеми прочими летными привилегиями.

Так что нужно очень сильно чем –нибудь «прославиться», чтобы тебя в этой массе заметили, и куда –нибудь выдвинули.

Прохожу на территорию части. Справа плац, прямо штаб. Слева спорт городок и чуть ниже – солдатская столовая. За штабом просматривается клуб и казармы. В глубь пока еще не проникает мой взгляд. Ветерок гоняет по территории все ту же пыль с песком. Ни травинки, и ни кустика. Чахлые редкие акации по обочинам от тротуаров и проезжей части, плохо заасфальтированных дорог. Обитателей городка почти не видно.

Рядом с КПП стенд «НАШИ ОРДЕНОНОСЦЫ». Учитывая, что штатного командира в части, временно нет и торопиться мне не куда, подхожу к стенду. На нем цветные фотографии офицеров и прапорщиков полка. У каждого из них грудь, как чешуей покрыта многочисленными медалями и орденами. Здесь же имеется информация о том, что от семидесяти до восьмидесяти процентов офицерского состава и прапорщиков полка прошли через горнило боевых действий в ДРА. Я пока никого из них не знаю, поэтому глазом не за кого зацепиться. И все же заметил фото НМС полка майора В.А.Вяткина.

Но чуть в глубь, в сторону плаца имеется еще одна Доска почета. «Лучшие люди нашей части». Написано на ней крупными буквами из пенопласта. Сразу же попадает в поле зрения уже знакомая физиономия. Тамара Шулякова, медицинская сестра, мпп

«Ну, ну, если это лучшие, тогда какие худшие люди в этой части?» – задал я сам себе вопрос. Больше здесь знакомых тоже не увидел.

Здание штаба кирпичное, двухэтажное, древнее, под красной черепичной крышей. Захожу внутрь. Комната дежурного по части. Здесь тоже нужно представиться, прежде чем проникнуть далее.

Для дежурного офицера и его помощника, это рутинное ежедневное явление. Постоянно в любую войсковую часть кто – то прибывает, кто – то убывает из нее.

– Проходите на второй этаж. Строевая часть находится там, по коридору до конца и налево, – подсказывает мне дежурный. По затертым бетонным ступеням поднимаюсь на верх. Справа в торце этажа- пост №1. Полковое знамя под плексигласовой пирамидой и часовой возле него. Как и положено, отдаю честь знамени. Прямо дверь в кабинет командира части.

Беру влево и топаю в строевой отдел. Здесь меня встречает начальник отдела, капитан Ульянов, который уже в курсе, что я должен к нему прибыть. Быстро принимает и оформляет мои документы.

– Командир пока отсутствует, но вы успеете еще представиться, – утешает он меня. Заодно информирует, что начмед полка майор Вяткин Владимир Александрович. А начальник медпункта старший лейтенант Розов Борис Алексеевич. Они, мол, введут меня полностью в курс всех полковых дел.

– Можете идти в медицинский пункт и приступать к работе.

Выхожу из штаба. Дневальный по штабу подсказал, как пройти к медпункту. Полковое лечебное учреждение расположено с тыльной стороны солдатского клуба.

Иду, думаю: «Розов, Розов... знакомая фамилия. О, вспомнил! Это же сосед мой по Боткинской, только жил он на пятом этаже, и выпускался на два года раньше меня. Вот теперь понятно, откуда здесь информация обо мне».

Подхожу, нахожу. О, да это целый оазис на фоне полковой пустынной территории. Территория МПП, квадрат примерно семьдесят на семьдесят метров. В глубине относительно еще молодого скверика находится

двухэтажное, новое, стандартное здание полкового медицинского заведения. Я в таких уже успел побывать, будучи на стажировках в Прибалтике и в Пскове. Справа от медпункта вижу корпус помещения ВДК и какой- то одноэтажный барак, слева, казармы. Что находится за МПП, пока еще не вижу, скажу позже.

Три ступеньки вниз, и я иду по узенькой аллейке в сторону крыльца.

– Лейтенант, на месте, раз-два! – раздается голос слева. Поворачиваю голову влево. В пяти метрах от меня курилка- беседка. Там сидят два офицера

«Медики!» – мгновенно ориентируюсь по эмблемам. Один толстый, с неуловимой азиатской примесью на жирной физиономии машет мне приветливо-призывно рукой. У него на плечах погоны капитана. Второй, старший лейтенант, длинный, с круглыми, слегка на выкате глазами.

– Заходи, заходи, мы давно тебя ждем, – говорит капитан с жиденькими усиками и раскосыми глазами. Я переминаюсь с ноги на ногу:

– Я желаю посетить сначала заведение, представиться кому следует.

– Да начальства сегодня кроме нас пока нет.

Поворачиваю в беседку. Доктора встают и подают руки. Знакомимся.

– Капитан Давыдов, а проще Серегой зови.

Пожимаю руку.

– Володя.

– Старлей Мазминов, Михаил. Мишей кличут.

Пожимаю руку, повторяю свое имя.

– Присаживайся, посидим, по окаем. Семечки будешь? – предлагает Давыдов.

– Или ты на службу рвешься?

Как я узнал чуть позже, мой новоиспеченный коллега капитан Давыдов «тянул» ляжку капитана в батальоне на момент знакомства уже девятый год. Старший лейтенант Мазминов был еще «салага», только третий год пошел на батальоне. Был еще и третий врач батальона, капитан Сергей Немков, который на данный момент находился на специализации. Ему удалось пробиться и уехать на учебу по профилю патологоанатома судебной медицины.

– Мне больше нравится поговорка «Сделал дело, гуляй смело». И не люблю понуканий, – отказываюсь я от семечек и предлагаю им перекурить, открыв свою пачку «ЛМ». Они с удовольствием оба поддерживают. В это время мимо, по аллейке, в форме прапорщика, дефилирует одна из моих уже знакомых по автовокзалу. Заметив меня, на мгновение смутилась, но только на мгновение.

– Здравсьте, доктор, – кинула на ходу и, как «истинная, арийская овчарка», прошагала в медпункт.

– Здравсьте, товарищ прапорщик, -кинул я ей в ответ.

– И кем она у вас служит? – задаю вопрос коллегам.

– О, это наша Ульяна Пизанкина. Заведует физкабинетом, а реально, по должности фельдшер МПП, – вступает в разговор Мазминов.

«Значит на такой же должности, какую я занимал шесть лет назад в артиллерийском полку», – подумал я.

– Мы уже в курсе, что у тебя была встреча на автовокзале с этой нашей спаркой мессершмиттов. – С Шуликовой и Пизанкиной, – тяжело сопя, делится со мною своей информацией Давыдов. – Я не хочу о них много говорить, ты сам со временем все увидишь и узнаешь, но на всякий случай остерегайся этих двух стерв. Они могут много всякой пакости, тебе натворить.

– Да, да, это так, – еще больше выпучив глаза, подтвердил Миша.

– Бог не выдаст, свинья не съест. – произношу я.– Спасибо за предупреждение, хотя после случайного знакомства с ними я уже успел и сам сделать определенные выводы.

– А вот бежит и наш начмед полка, – кивнул в сторону входа на территорию медпункта, Серега. Смотрю, точно, полностью в летней полевой форме, торопливой походкой, вприпрыжку, бежит сутулый майор. Я вышел навстречу ему.

– Товарищ майор, лейтенант Озерянин для дальнейшего прохождения службы прибыл в ваше распоряжение.

– Здравствуй, Озерянин. Меня зовут Владимир Александрович. Можешь обращаться по имени-отчеству. Ну, что, потянешь ляжку младшего врача? – глядя на меня в упор круглыми, совиными глазами на покопанном рытвинами, видимо, после перенесенного юношеского фурункулеза, лице. При этом мышцы левой щеки периодически дергались от нервного тика.

– Так точно, потяну! А куда же я денусь с подводной лодки, Владимир Саныч, – добавил я уже более фамильярно.

– Ну, вот и хорошо, тезка, – улыбнулся начальник. – Тогда сейчас знакомься с коллективом и расположением медпункта. А в шестнадцать часов приступай к амбулаторному приему. Ты у командира еще не был?

– Никак нет, его в штабе не было.

– Ну, и ладно, это не к спеху. Представишься при любой подвернувшейся возможности, потому что у нас сейчас очередная запарка, и его трудно застать в кабинете. Все, приступай.

И он побежал по своим начальническим делам. Я в сопровождении Сергея и Михаила, пошел сначала по территории МПП. Ничего особенного, кроме того, что позади медпункта стоял пустой четырехосный прицеп, а за ним размещался небольшой погребок с дезинфекционным имуществом. Позади тыльного забора располагался стандартный караульный городок, а тот барак, что я увидел на территории ВДК, оказался казармой «стройбата».

Здесь, через отдельный вход, мы заглянули в изолятор на две палаты. В них было пусто. Вышли на улицу, и тут нам на встречу выбежал прапорщик с медицинскими эмблемами. Юркий, небольшого росточка. С выражением: «Чего изволите?» на лисьей мордочке.

– Начальник аптеки полкового медицинского пункта прапорщик Недялков! – представился он мне, улыбаясь хитрющими глазками. Я прикинул, что по возрасту, он где то на год-полтора старше меня, что в последствии и подтвердилось.

– Ну, ведите меня, начальник, в свое заведение, а потом и по всему медпункту

.-Есть! – отчеканил аптекарь. – Рядом с дверью изолятора, – попутно информирует меня полковой фармацевт, – расположен вход в склад медицинского «НЗ».

Поднимаемся на четыре ступеньки, выложенного кафельной плиткой, крыльца, и заходим внутрь медпункта. Узкий и темный коридорчик. В нем скамейка, тумбочка, телефонный аппарат и дневальный из команды выздоравливающих. Он представляется согласно инструкции для медицинских учреждений.

Хозяин аптеки сворачивает налево и ведет, в первую очередь, в свои апартаменты. Там, соответственно, для меня ничего нового нет. Стандартный набор маленьких аптечных помещений. Выходим и он демонстрирует мне санитарный пропускник. Это одновременно и хранилище всего вещевого госпитального имущества. Белье, костюмы, халаты и т. п. Душевая

кабинка, унитаз. И своя примитивная стиральная машинка. Здесь же присутствует и хозяйка заведения.

– Младшая медицинская сестра ефрейтор Пискунова! – четко представляется мне девушка в возрасте минимум тридцати пяти лет.

– С фельдшерским образованием, – голосом на полтона ниже, добавляет она, скромно потупив глаза с затаенной обидой.

– А почему так? – уточняю я.

– А нет вакантных должностей, вот и пошла на то, что имелось в наличии, но я и дежурю по медпункту, как все, – спохватившись, добавляет она.

– Жизнь на месте не стоит. Авось, что –нибудь со временем освободится, и если вы достойны, то займете должность, в соответствии, со своим образованием, – обнадеживаю я ее, не имея на то еще пока абсолютно никаких полномочий.

– Спасибо вам на добром слове. Я буду стараться, – понимающе улыбнулась она.

Идем по коридору направо. Первая дверь справа, «Кабинет неотложной помощи». Закрыто и опечатано. Пока трогать не будем. Дверь налево, табличка на дверях сообщает, что это «Физкабинет». Недялков услужливо открывает дверь. Из-за стола поднимается наша знакомая...

– Фельдшер медпункта прапорщик Пизанкина. По совместительству заведующая физиотерапевтическим кабинетом, – визгливым голосом, но тоже четко и членораздельно, представляется мадам.

– Кабинет довольно просторный, на пять кабинок. Аппаратура, естественно, древняя, – комментирует хозяйка. – Но я, как могу, стараюсь поддерживать ее в рабочем состоянии, – пытается подчеркнуть свои заслуги прапорщица. На стенах развешаны всевозможные макраме, в некоторых из них вставлены горшочки с живыми цветами. Гнездышко довольно уютное.

Идем далее. Дверь направо «Клиническая лаборатория». Тоже имеется миловидная, и еще молодая хозяйка. Лет двадцати пяти.

– Начальник лаборатории сержант Кругликова, – скромно так, глазки вниз, ручки в замок, как провинившаяся школьница. Кабинетик совсем маленький. И ничего особенного. Микроскоп, да штативы с пробирками.

Дверь налево «Приемное отделение». Стол, стул, кушетка и шкафы с документацией, смотрю, из этого же кабинета одна дверь направо «Чистая перевязочная», вторая дверь «Гнойная перевязочная». Здесь в биксах, вынимая какие – то пробирки, копошилась тоже женщина в форме, но уже в солидном возрасте, и с заметными следами злоупотребления алкоголем на лице.

– Санитарный инструктор медицинского пункта старший сержант Солдатенкова, – прощамкала беззубым ртом, запюканная жизнью «старушка», лет сорока пяти.

– Это наша Алевтина Михайловна, главная труженица медпункта, от себя добавляет начальник аптеки.

– Куда собираетесь, Алевтина Михайловна? – задаю риторический вопрос.

– Да вот, несу смывы с объектов питания, в бактериологическую лабораторию. А заодно отведу пару человек на консультацию к врачам медбата.

– Спасибо, занимайтесь.

– Степа, ты сегодня дежуришь? – обращается старший сержант к аптекарю.

– Да, а что?

– Поторопи, чтобы больных быстрее переодели, которых я веду.

– Хорошо.

Степа Недялков, он же аптекарь, открывает дверь чистой перевязочной. Прямо напротив двери, стоя за перевязочным столом, на меня смотрит вторая моя визави. Живое воплощение фото с Доски «Почета».

– Медсестра операционно перевязочного кабинета сержант Шулякова, – проквкала она сдавленно перепуганным голосом, кривя бледными губами со следами розовой помады. При этом «штукатурка», самого низкого качества, типа солдатского крема для сапог, кусками отваливалась от напряженно моргающих верхних век, и падала на белые простыни операционного стола.

– Рад познакомиться, младший врач полка, лейтенант Озерянин. Чем занимаетесь?

Перед ней стоял бикс.

– Собираюсь накрывать стерильный столик с инструментами, товарищ лейтенант.

– Хорошо, -говорю я ей, – готовьте кабинет, после обеда амбулаторный прием. Возможно, что придется кому – то производить малое хирургическое вмешательство. Вам уже приходилось ассистировать?

– О, доктор! Мы уже много чего здесь делали, -закатила она свои жабы буркала под лоб.

– Хорошо. Занимайтесь.

И мы проследовали со Степой обратно в коридор.

– Вот это дверь кабинета нашего начмеда, а за ним направо – служебный туалет, – продолжает знакомить меня с расположением Степа. Поднимаемся на второй этаж. Прямо, напротив лестничной площадки, кабинет полкового врача, то есть непосредственно мой рабочий кабинет. Заходим. Стол, стул, шкаф, кушетка. Вполне приемлемо для меня на ближайшие годы.

Далее направо по коридору. Справа туалет для переменного личного состава, то есть для больных. За ним палата. Напротив, кабинет начальника медпункта. Автоклавная. Следующая палата. Холл, для отдыха больных с телевизором, аквариумом, мягкими креслами и диваном. Напротив, через коридор- кухня и зал для приема пищи. Левее еще одна палата.

Вот и все полковое лечебное заведение. Время приближается к обеду и я уйду снова в штаб полка, но, увы, командира по прежнему нет, поэтому самостоятельно принимаю решение убыть на обед. Для этого мне нужно проделать трехкилометровый путь по разбитым румынским тротуарам в обратном направлении.

Здесь очень много следов пребывания румынской власти до 1939 года, когда Бессарабия была возвращена законному владельцу, Советскому Союзу,

правоприемнику царской России. А затем снова была оккупация и румыны были здесь до 1944 года. Повторное возвращение, и т. д. Но до сих пор «горячие» румынские парни не расстались с идеей о «великой Румынии». Красная керамическая черепица на многих домиках, да и сами дома со специфической архитектурой, тротуары из камня песчаника, все это напоминало о бывших хозяевах на этой территории.

Прихожу домой, а у меня гости. Приехала жена с дочерью. И даже обед уже готов. Красота. Делимся последними новостями и впечатлениями. Я даже успеваю немножко отдохнуть. Жена собирается самостоятельно заняться поиском работы по специальности, а также устройством ребенка в школу. Я ничего не имею против, потому что сам еще не имею никаких возможностей в чем-то ей помочь, поспособствовать.

И снова трехкилометровый марш. Теперь конкретно на службу-работу. Теперь уже в повседневной форме, но еще брюки на выпуск. Или как еще говорят армейские острословы, брюки об асфальт. Хотя я прекрасно видел, что весь личный состав полка, да и всего гарнизона, ходит в сапогах, но я на всякий случай, легонько провоцирую. Хочу посмотреть какова будет реакция командиров и начальников.

Медики, в лечебных учреждениях типа госпиталей, сапоги одевают со стопами и проклятиями на голову тех, кто их придумал, только тогда, когда, иногда, собираются по учебной тревоге. А так они на «службу» идут в туфельках, а там переобуваются в какие-нибудь растоптанные тапочки. И их ножки целый день благоденствуют, проветриваясь и не парясь.

«Войсковое звено медработников в Советской армии- черная кость. Они ничем не должны отличаться от всех остальных военнослужащих в части,» – так думают и так считают их командиры и начальники. И после того, как любой доктор войскового звена в течении трех-пяти-десяти и более лет походит в сапогах, он ни за что не согласится дать послабление в этом отношении поколениям коллег, которые следуют за ним. О, как я их понимаю, но у меня есть на всякий случай отговорка. Из полевой формы имею только ПШ, а сейчас по армейскому, тем более южному календарю, лето. И для того чтобы натянуть на ноги сапоги, мне их нужно сначала получить. А к ним нужно получить с вещевого склада и ХБ. Я ведь все предыдущие шесть лет обувал сапоги только тогда, когда выезжали раз в год на полевые занятия. Мои подошвы тоже разнеженные, но ничего, это ненадолго. Скоро и они узнают, что такое весь день хлопать в собственном поту, который стекает со всего тела в сапоги от немилосердно палящего бессарабского солнца. Или же наоборот, превращаться в ледышки, стоя на плацу в течении всего дня, во время строевых смотров под нещадными степными ветрами, при температуре минус, максимум двадцать пять градусов, но я об этом пока не думаю, потому что не знаю.

Итак, прибываю в медпункт. Дневальный на КПП сказал, что командир уже в части, но где – то на территории. Я с территорией еще не знаком, искать его не буду. Захожу в свой кабинет, ключи от которого мне вручили еще до обеда. Переодеваюсь в халат, беру и вешаю на шею фонендоскоп. А ля доктор. В коридоре, на узких деревянных скамейках вдоль стен уже сидят те, что ждут моей помощи, мои первые клиенты-пациенты.

Они выглядят далеко не так, как те бравые десанты, что мы привыкли видеть на парадах и в фонтанах. Три – четыре раза за два года, и это в лучшем случае, одевает советский десант-

ник парадное обмундирование, не считая убытия по демобилизации домой. А может так случиться, что и ни разу и за всю службу. В остальном это ХБ летом и ПШ зимой. С пилоткой или шапкой-ушанкой на голове, соответственно, сезону. Берет- это, как корона у короля, одевается только по большому случаю.

Учитывая, что советский солдат и десантник, в том числе, занимается самообеспечением и самообслуживанием, то и форма одежды у него соответствующая. Наряды по подразделению и по столовой, караульная служба и разгрузка угля, заготовка овощей и фруктов в местных колхозах и совхозах. Прыжки с парашютом и вождение техники. Стрельбы на полигоне и

физподготовка. И все эти интенсивные нагрузки накладывают свой отпечаток, как на его организм в целом, так и на его внешний вид, в том числе и на форму одежды.

Основная масса, особенно на втором году службы, выглядят опрятно и молодцевато. Некоторым сержантам и старшинам не грех позавидовать и нам, офицерам-мужикам. Они выглядят так, что куда там хваленному Рэмбо,

но есть солдаты первого-второго периода службы, и их тоже много, и порою они в таком виде, что лучше бы глаза наши их не видели. Изредка, но бывают солдаты, которые за два года даже не узнают, где находится этот медпункт, но это редкость, конечно. Во первых, все без исключения проходят раз в год диспансеризацию. Затем всевозможные прививки и медосмотры, поэтому если кто – то хвастается, что он на протяжении всей службы, даже не знал дороги к МПП, это мягко говоря, неправда.

Положено приходить на амбулаторный прием под командой санитарного инструктора роты. В его отсутствие, должен приводить старшина роты или любой назначенный старший. Самостоятельное одиночное посещение МПП запрещено. При этом больные должны прибывать переодетыми в чистую форму одежды. У старшего должен при себе ротный (батареинный) журнал записи больных.

И даже в идеале этот журнал должны приносить в медпункт за несколько часов до прибытия больных, чтобы дежурный по медпункту заранее знал, сколько больных в этот день должно прибыть на прием. И подготовить все необходимое для их встречи. Что, увы, при всем нашем желании, далеко не всегда выполняется на деле. Да, конечно, прием по неотложной помощи у нас как и везде круглосуточный, без всяких предварительных оговорок. О чем и гласит надпись на табличке, прикрученной к входной двери.

Так вот я направляюсь в приемное отделение. В разных позах застыли десантники, нуждающиеся в моей помощи. Кто – то, откинувшись головой на стенку, досыпает, недоспанное в карауле. Кто- то, скрючившись, держится за палец. Третьи, тупо уставившись в противоположную стенку, думают о чем – то своем. Все они прекрасно знают, что никакие команды «встать», «смирно», и т. п. в стенах лечебного учреждения не подаются, а потому на мое появление никто не дергается, не подпрыгивает. И это верно. Здесь больные. Но бывали случаи, когда самодуры с большими звездами на погонах об этом забывали.

Занимаю свое место за столом. Медпунктовский санинструктор старшина срочной службы помогает мне на приеме вместо дежурного прапорщика Недялкова, потому что он «сильно» занят неотложными делами в аптеке. На дворе, как я уже говорил, почти середина сентября. Довольно тепло, а потому амбулаторных больных мало. Всего – то человек пять-шесть.

- Кто там первый? Заходи, -подаю я команду.
- Товарищ лейтенант, здесь есть один из третьей батареи зенитного дивизиона, с панарицием среднего пальца правой кисти, -докладывает мне санинструктор.
- Да, конечно, с него и начнем. Заводи.

Дверь в гнойную перевязочную открыта. Медсестра Шулякова находится там и все слышит.

- Тамара Алексеевна, готовьте обезболивающее, будем вскрывать панариций!
- Да, я слышу, уже готовлю! – отвечает она. Я осматриваю палец пациента. Здесь типичный случай. Завожу его в нашу «мини операционную». Провожу обработку операционного поля, обезболивание, вскрытие, зачистку, дренаж и все прочие манипуляции, как учили. Краем глаза наблюдаю за своей ассистенткой. Она тоже внимательно и напряженно следит за всеми моими действиями. И догадываюсь, что ждет, на чем я проколюсь, какую допущу оплошность. Или может у меня рука дрогнет. И тогда у нее появятся козыри против нелюбимого с первой минуты доктора. Увы, я не оставляю ей такого шанса, и это ее раздражает, что хорошо заметно по мимике дряблого лица.

Каждого пришедшего на прием нужно расспросить. При необходимости (положено всех поголовно) раздеть догола и осмотреть кожные и слизистые покровы. Простукать перкуторно и выслушать аускультативно. Все показания занести в индивидуальную медицинскую книжку. Эти книжки и вся остальная амбулаторная документация хранятся здесь же. В шкафах и тумбочках приемного покоя. Зарегистрировать паспортные данные в книгу амбулаторного приема и зафиксировать эти же данные в ротную (батарейную) книгу записи больных. Если военнослужащего я определяю на стационарное лечение в лазарет медпункта, то соответственно, здесь же завожу на него историю болезни. И все те же показания отражаю в ней.

Так как в данном случае мне пришлось произвести хирургическое вмешательство, то все свои действия, поминутно расписываю в операционном журнале. Вся эта писанина занимает уйму моего времени, но иначе никак нельзя. Ранее я уже упоминал, что медики для того, чтобы облегчить в случае чего жизнь прокурорам, должны непрерывно фиксировать свои действия на бумажных (тогда), и плюс электронных (теперь), носителях. Потому как если чего -нибудь случится, пойдет не так, как того нам хотелось бы, то дяди и тети, у которых мечи со щитами в петлицах, мгновенно появляются без приглашения, и в первую очередь, отбирают у нас все эти самые носители информации, чтобы мы задним числом не внесли, какие -либо изменения в свои же записи. А потом по ним же нас и разобрать до косточек.

Поэтому скрипя зубами, непрерывно пишем. С учетом небольшого сегодня количества больных, прием я заканчиваю относительно быстро. Двух оставляю в стационаре лазарета. Двум назначаю продолжение амбулаторного лечения. Одному записываю освобождение от физических нагрузок в течении трех суток. Остальные обошлись однократной медицинской помощью.

Затем иду в стационар. Осматриваю и опрашиваю всех, кто там находится. Корректирую их дальнейшее лечение. Домой возвращаюсь в восемь вечера. По армейским меркам это очень даже рано. Первый день службы прошел вполне благополучно.

Представление командиру

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1. Слева направо-командир полка, подполковник Бабич О. И., Заместитель командира полка по политической части, майор Н.В.Зубов. 2. Начальник штаба полка, подполковник Р. Карпов. (на переднем плане). 3,4. Солдаты и сержанты тех лет, в полку. Мои подопечные.

Вчера меня начмед предупредил, что рабочий день в полку для офицеров начинается в семь утра. Ежедневное построение всех офицеров и прапорщиков возле штаба ежедневно в восемь утра. И чтобы я не выглядел белой вороной, мне желательно срочно переодеться в ХБ и сапоги. Поэтому я поднимаюсь в пять утра, благо, для меня это не в тягость, давно привык. Спокойно выполняю все утренние процедуры и в семь ноль-ноль пересекаю проходную. Уже в сапогах, с собою привезенных, но пока в ПШ.

Проверяю состояние больных в стационаре, в первую очередь, своего первого прооперированного с панарицием. У всех находящихся в лазарете состояние удовлетворительное. Я пока на построение решаю не идти, чтобы не выделяться на общем фоне своей формой одежды, заполняю дневники в историях болезней, завожу новые, на тех кому это необходимо. А также записываю все, что необходимо по журналам. В девять утра иду на местный вещевой склад и по вещевому аттестату до получаю все необходимое имущество.

А еще через час переодеваюсь, и уже ничем не отличаюсь от старожилы полка. Практически никто не обращает внимания на то, что для лейтенанта я вроде уже как староват. А если еще и видят в петлицах и на погонах эмблемы со змеями вокруг бокала, то относятся вообще с пониманием, потому знают, что на докторов учатся достаточно долго. Не то что четыре года на обычных офицерских курсах «Выстрел». Продолжаю работу в стационаре и амбулатории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.